

К ЮБИЛЕЮ УЧЁНОГО

УДК 94(470.331)+929 Фрейденберг

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О МАРЭНЕ МИХАЙЛОВИЧЕ ФРЕЙДЕНБЕРГЕ ¹

Ludwig Steindorff / Л. Штайндорф

Университет им. Христиана Альбрехта в Киле, г. Киль, Германия

9 июня 2014 г. исполняется 90 лет со дня рождения историка, профессора Марэна Михайловича Фрейденберга. В 1966 г. М. М. Фрейденберг начал преподавать на кафедре всеобщей истории Калининского педагогического института (с 1972 г. – госуниверситет), заняв вакантную должность после отъезда в Москву медиевиста А. Я. Гуревича (1924–2005). Именно в Калининском университете М. М. Фрейденберг приобрёл профессиональное признание, получив профессуру и создав в 1978 г. кафедру истории древнего мира и средних веков². Блестящий оратор и талантливый педагог, он читал общие курсы по истории средних веков, истории южных и западных славян, подготовил несколько специальных курсов по проблемам балканской истории. Осознавая необходимость работы студентов на семинарских занятиях с документами, он убедил коллег-славистов из нескольких университетов СССР издать «Хрестоматию по истории южных и западных славян». Под его научным руководством в 1987 г. в Минске вышел первый том хрестоматии.

Научные интересы профессора М. М. Фрейденберга были широкими: социально-экономические проблемы средневековых городов, особенно г. Дубровника (Хорватия); культура средневековья; история еврейского народа на Балканах; история российского славяноведения; вопросы методики преподавания истории; творческое наследие тверских краеведов. М. М. Фрейденберг написал и издал более 300 научных работ, был редактором нескольких сборников по средневековой балканской истории, он – автор книг «Деревня и городская жизнь в Далмации» (Калинин, 1972); «Из истории отечественной славистики: П. А. Ровинский» (Калинин, 1988); «Дубровник и Османская империя» (М., 1984; 2-е издание: М., 1989); «Из истории Тверской культуры: Анатолий Николаевич Вершинский (1888–1944)» (Калинин, 1990); «Евреи на Балканах на исходе средневековья» (М.; Иерусалим, 1996); «Очерки истории балканского еврейства. Я – историк» (Тель-Авив, 1998); «Десять лет эмиграции в Израиле» (Тель-Авив, 2002).

М. М. Фрейденберг поддерживал научные контакты со многими коллегами-историками в России и за рубежом, о чём свидетельствует его обширный

¹ Перевод с немецкого: Евгения Титова, Киль.

² См. биографический очерк: *Воробьёва И. Г.* К 85-летию профессора Марэна Михайловича Фрейденберга [Электронный ресурс]: URL: <http://history.tversu.ru/index.php/kvhistory/89.html>

личный фонд в Государственном архиве Тверской области. Член редколлегии Вестника Тверского университета профессор университета им. Христиана Альбрехта в Киле (Германия) Людвиг Штайндорф, многие годы друживший с М. М. Фрейденбергом, написал воспоминания, которые мы и публикуем.

И. Г. Воробьева

* * *

Биография Марэна Михайловича Фрейденберга как историка и уважаемого коллеги, профессора Тверского государственного университета уже хорошо знакома многим читателям этого журнала. А статьи этого номера дадут возможность узнать о нем еще больше. Я также написал и опубликовал в ведущем немецком журнале по истории и культуре юго-восточной Европы некролог о его жизненном пути и научном труде¹. В этот раз я бы хотел просто немного рассказать о том, как я познакомился с Марэном Михайловичем Фрейденбергом, где мы с ним встречались и какой след он оставил в моей жизни.

Об историке Фрейденберге я узнал впервые, когда я работал над диссертацией о далматинских городах XII в. под руководством загребского медиевиста Нады Клаич, в 1978–1980 гг. Тогда я познакомился с некоторыми работами Марэна Михайловича в Национальной и университетской библиотеке Загреба. В своей диссертации, работа над которой была завершена в 1981 году, а ее публикация состоялась в 1984 году, я коснулся его рассуждений о далматинской коммуне.²

После защиты кандидатской диссертации в Хайдельберге в 1981 г. я работал научным сотрудником в Мюнстерском университете в отделе восточноевропейской истории под руководством профессора Франка Кэмпфера, который не только тесно дружил с тогдашним руководителем семинара византологии в Мюнстере Ядром Ферлугой, но и сотрудничал с ним в профессиональном плане. Ядран Ферлуга, ученик русского эмигранта и профессора Белградского университета Георгия Острогорского, поддерживал через своих югославских коллег многочисленные контакты и с коллегами из тогдашнего Советского Союза. Когда он поведал Марэну Михайловичу Фрейденбергу о том, что знает в Мюнстере молодого историка, который также занимается далматинскими городами, то тот обратился ко мне через Ядрана Ферлугу с просьбой выслать ему один экземпляр диссертации.

К бандероли я приложил письмо, датированное 26 февраля

¹ Südost-Forschungen 65–66 (2006–2007), S. 509–510

² Ludwig Steindorff, Die dalmatinischen Städte im 12. Jahrhundert. Studien zu ihrer politischen Stellung und gesellschaftlichen

Entwicklung. Köln – Wien 1984, S. 161, прим.. 50. – Повторный перечень моих аргументов см. Л. Штайндорф, Правильно ли считать Новгород коммуной? // Споры о новгородском вече. Междисциплинарный диалог, отв. ред. М. М. Кром, Санкт-Петербург 2012, С. 228–241, здесь С. 236, прим. 20.

1985 г., и попросил подтвердить получение бандероли. Ответное письмо было датировано 30 марта 1985 г.: «Только вчера, вернувшись из Москвы, я нашел у себя на письменном столе бандероль с книгой и сепаратом, в котором (не сразу!) обнаружил и Ваше любезное письмо. [...]» С тех пор между нами завязалась регулярная переписка. Письма, в том числе и копии моих собственных, тщательно сохранялись мною. Свои первые письма я писал ещё по-хорватски, Марэн Михайлович отвечал по-русски. Я был польщен рецензией на мою диссертацию, написанную Марэном Михайловичем совместно с А. В. Чернышевым и опубликованную к тому же в авторитетном журнале «Вопросы истории» (1986. № 8. С. 156–158). Мои же рецензии на две его публикации были, в свою очередь, опубликованы в двух престижных немецких специализированных журналах³.

Порою в наших письмах речь шла и о наших буднях в тогдашнем Калининe и в Мюнстере. Как-то я написал о том, какой большой популярностью пользуются в Мюнстере велосипеды. В письме от 7 июля 1986 г. Марэн Михайлович отреагировал следующим образом: « [...] Ваш слуга тоже ездит на велосипеде (так по-русски называется бицикл), только с другим эффектом. У нас такой

способ передвижения принят гораздо меньше, чем в Мюнстере. И когда старый человек (62 года!), да ещё профессор (которому полагается по критериям престижа ездить только на машине), катит по улицам на велосипеде, то студенты иногда лишаются сознания. Но это, между прочим, не останавливает старого профессора [...]»

Нас связывал интерес к истории далматинских городов, среди них прежде всего история Дубровника, а также восхищение государством Югославия. В письме от 15 декабря 1988 г. он с восторгом отзывался о путешествии по Югославии со своей женой: «[...] Программа включила в себя Македонию, Черногорию, Боку, Дубровник, Истрию, Загреб и снова – Белград. [...]» Но уже тогда, намного раньше, чем большинство его современников, он указал на начало государственно-политического кризиса: «Я полагаю, что Вы сами были этим летом в Югославии и знаете об обстановке в этой стране, поэтому мне уже нечего к этому добавить. Такого я себе не представлял, наука в жизни людей, естественно, отступает на задний план ... [...]» Но ни он, ни я не могли себе в 1988 году и представить, что это государство полностью распадется всего лишь 3 года спустя.

В том же письме от 15 декабря Марэн Михайлович сообщал, что, по всей вероятности, приедет летом 1989 г. в Федеративную Республику Германия по стипендии, предоставленной ему Германской

³ Дубровник и Османская империя, Москва 1984 // Südost-Forschungen 44 (1985), S. 356-359; Хрестоматия по истории южных и западных славян. В трех томах. Том I. Эпоха феодализма, Минск 1987 // Jahrbücher für Geschichte Osteuropas 36 (1988), S. 427-428.

службой академических обменов (ДААД). 22 декабря в Калинин пришло официальное приглашение от ДААД. После двух недель, проведенных в Гамбурге, в середине июня 1989 года Марэн Михайлович приехал в Мюнстер и гостил у нас одну неделю. Разумеется, он встретился и с Франком Кэмпфером и с Ядраном Ферлугой. Он познакомился с Герхартом Ресселем, профессором славянской филологии и с его женой, лектором сербского языка в Мюнстере. Помню, какое впечатление на него произвел в воскресенье звон многочисленных церковных колоколов в городе. В институте сравнительной городской истории при Мюнстерском университете он сделал доклад о Дубровнике. В один из дней мы поехали по его желанию в Оснабрюк, город, расположенный в 40 км к северо-востоку от Мюнстера. Мне этот город тоже еще не был знаком. Поэтому когда мы вышли из поезда, то встал вопрос, куда же нам пойти. Как помню, Марэн Михайлович сказал, что в старом, ему незнакомом городе он всегда идет в направлении ближайшей церковной башни. Так мы и сделали, а оттуда отправились осматривать остальную часть центра города.

Не помню, на каком языке мы тогда в Мюнстере общались. Порою, конечно же, на хорватском, поскольку это родной язык моей жены. Или же мы беседовали на русском, когда были одни? Как бы там ни было, с тех пор и я стал писать письма на русском, хотя и не владел им, конечно же, в

совершенстве. С нашей встречи в Мюнстере в 1989 году мы стали называть друг друга по имени или же по имени и отчеству. И по сей день мы с женой говорим не иначе как «Марэн Михайлович», когда вспоминаем его и его семью.

В последнем письме Марэна Михайловича от 1989 г. еще было написано «28.XII.89. Калинин». В новом же году: «21.I.90. Тверь!»

С середины августа до начала октября 1990 я, заручившись грантом, собирался посвятить себя исследовательской деятельности в архивах Москвы и Ленинграда, необходимой для написания докторской диссертации на тему «Memoria in Altrussland» (поминание усопших в Древней Руси). Узнав об этом Марэн Михайлович предложил мне приехать к нему в гости на десять дней перед началом архивной работы. Он встретил меня в Москве на Белорусском вокзале и тотчас упрекнул в том, что я не сообщил ему номер вагона, что заставило его уже беспокоиться обо мне. Это был первый урок для меня: в России встречающим сообщают и номер вагона, в Германии это не принято. Мы остановились у сына Марэна Михайловича, в северной части города. В течение трех дней Марэн Михайлович знакомил меня с самыми главными достопримечательностями Москвы. Мы побывали и в ресторане «Прага» на улице Арбат. Он объяснял мне искусствоведческие термины и учёные степени в Советском Союзе. Но прежде всего он познакомил меня с Московским метро: на какой станции нужно

выйти, чтобы добраться до какого архива и до какой библиотеки?

Потом мы отправились на электричке в Тверь. Вокзал носил тогда ещё советское название – Калинин. Помню наши прогулки вдоль реки Волга. Было ещё достаточно тепло, так что можно было купаться в Волге, хотя Ильин день уже и прошёл, как отмечал Марэн Михайлович. Мы посетили Тверской краеведческий музей. Марэн Михайлович рассказал мне о своей работе для организации «Мемориал» и о своём участии в открытии массовых захоронений в Медном.

Пока я был в гостях – сначала у сына Марэна Михайловича, а потом и у него самого и его так сердечной жены Лидии Аркадьевны Котлярской, – кризис продовольственного снабжения 1990 г. остался мною почти незамеченным. В полную меру я ощутил его на себе во время моего последующего пребывания в Москве, и, ещё сильнее, в Ленинграде, когда в ресторанах академической гостиницы не было практически никакой еды.

В один из дней мы совершили автобусную экскурсию в Торжок. С нами был и Джеймс Бил, один американский студент, с которым мы впоследствии ещё встречались на нескольких конгрессах в США. Мы посетили Борисоглебский монастырь. Он больше не использовался в качестве тюрьмы, но, как мне показалось, находился всё ещё в плачевном состоянии. Марэн Михайлович был, напротив, в восторге от того, как всё уже было

приведено в порядок... Если бы он видел, как восстановился православный сакральный ландшафт в России за прошедшие 25 лет! После обеда мы собирались посетить этнографический музей. Но вдруг, откуда ни возьмись, появилось много людей с корзинами и сумками, наполненными бутылками пива! Оказалось, что спустя долгое время в Торжок опять привезли пиво! И тут Марэн Михайлович сказал, а не лучше ли будет, если мы воспользуемся единственной в своём роде возможностью, которая вряд ли ещё раз предоставится в ближайшем будущем – это ведь было в 1990 году! – и мы отправились в ресторан, в котором тоже продавалось пиво.

В 1990 г. мы побывали и в Старице. Помню, какой был вид с моста на уже тогда производивший впечатление монастырский комплекс. Но его нельзя было сравнить с тем великолепием, которое предстало перед моими глазами в 2010 году, когда Ирина Воробьёва с мужем и сыном привели меня туда.

Запомнился мне и тот вечер, когда Лидия Аркадьевна приготовила праздничный ужин, на который были приглашены и Ирина Воробьёва с мужем. Тот ли это был вечер, когда Марэн Михайлович сказал нам по большому секрету, что он и его жена, а также их сын с семьей решили подать заявление на выезд в Израиль?

Только я вернулся из Советского Союза в Германию, в Мюнстер, как Марэн Михайлович

приехал во второй раз в Германию, на сей раз вместе с Лидией Аркадьевной. Несколько дней они провели в доме моей матери в Гамбурге. Моя мать по сей день охотно вспоминает беседы с ними и то, как хорошо у них получалось осматривать город без посторонней помощи. В то время как они гостили у нас в Мюнстере, приехали ещё и родственники Лидии Аркадьевны из Парижа.

В письме от 20 октября 1990 г. Марэн Михайлович вспоминал сначала «германскую поездку», потом же он писал: «В магазинах стало совсем-совсем пусто – ужасно. Продаются только галоши (!). Каш никаких нет – есть только книга о кашах, и Лида её посылает Ренате», жене автора этих строк.

А в письме от 22 февраля 1991 г. Марэн Михайлович сообщал: «[...] А теперь – два слова о наших делах. – Наша квартира почти пуста: Книги и множество вещей снято со своих мест или готово к отсылке или (как книги) отосланы в Израиль. Грустное дело, Людвиг, расставаться с накопленным в течение всей жизни. Пусть на время, но расставаться. Сколько мелких, но нужных или приятных бумаг, фотографий, вырезок и прочего пришлось выбросить. Хорошо ещё, что местный архив (он считается лучшим в России) взялся принять мои дела и создать особый «Фонд М. Фрейденберга». В него сдано уже более 150 папок (единиц хранения, «дел», по-нашему) – хоть что-то останется. [...] Выезд через Будапешт планируется на середину апреля».

На обратной стороне письма – адрес в Израиле на первое время.

Наша регулярная переписка не прервалась в последующие годы. Мне также известно, что для него было большой радостью сохранить контакт со своими коллегами и учениками в России.

О своей жизни в Израиле Марэн Михайлович рассказывал сравнительно мало. Во второй половине 1991 г. война в Хорватии являлась для нас постоянным предметом обсуждения. То и дело мы получали фотокопии статей о событиях на территории бывшей Югославии, которые Марэн Михайлович опубликовывал в русскоязычных газетах и журналах в Израиле. В то время он принадлежал к немногим в Израиле, которые считали, что эскалация военного конфликта исходила от сербской стороны.

С большой радостью Марэн Михайлович сообщал о своём новом поле деятельности в науке. Им стала история евреев на Балканах на исходе Средневековья. Он сам послал мне два экземпляра книги на эту тему с посвящением – один экземпляр русского издания от 1996 г., другой английского от 1999 г. То, что в 2000 г. в Загребе книга вышла и в хорватском переводе, я узнал в том же году во время путешествия в Хорватию. Я увидел книгу в витрине одного книжного магазина и тотчас купил её.

И, наконец, я посетил Марэна Михайловича и Лидию Аркадьевну в Израиле в 1995 г. вместе со своим более молодым коллегой из Мюнстера Ульрихом Ланг. Поскольку их квартира в Тель-

Авиве была очень скромной, по сравнению с квартирой в Твери, мы остановились не у них, а у одного их друга, Бориса Орлова, эмигрировавшего в Израиль уже в 1970-х гг. и работавшего в Тель-Авивском университете. Мы провели вместе много часов. Йозель Раба, известный во всем мире специалист по древнерусской истории в Тель-Авивском университете и уже давно знакомый с Марэном Михайловичем, пригласил его и нас с коллегой на экскурсию в пустыню Негев. Марэн Михайлович остался верен себе и по-прежнему с восторгом выступал в роли учителя – он тщательно следил за тем, чтобы мы с коллегой как можно больше узнали о стране и её жителях.

Однажды мы с коллегой рассказали о том, что во время долгих прогулок по Тель-Авиву совсем не пользовались автобусом. Как он нас хвалил: «Город надо обходить!» Эти слова я сейчас часто говорю на немецком своим студентам, когда у них от продолжительной ходьбы во время дневной экскурсии по Любеку устают ноги.

После 2000 г., когда мы уже переехали из Мюнстера в Киль, письма Марэна Михайловича стали короче, их стало труднее читать, а потом они и совсем перестали

приходить. От Лидии Аркадьевны мы еще узнали о награждении Марэна Михайловича в 2005 г. польским Орденом за помощь в расследовании дела об убийстве польских офицеров Народным комиссариатом внутренних дел в 1940 году. А в 2007 г. Лидия Аркадьевна позвонила и сообщила, что Марэн Михайлович ушел из жизни 27 сентября этого года. Каким утешением для неё должно быть стали некрологи из Твери с выражением глубокого уважения к нему и с признанием его заслуг!

Как в моей жизни, так и в жизни моей жены воспоминания о долгих годах переписки с Марэном Михайловичем и о встречах с ним и его женой занимают важное место. Но прежде всего я благодарен Марэну Михайловичу за то, как он во время моего первого визита в Россию в 1991 году, словно мой «чичероне», всячески помогал мне освоиться в стране и познакомиться с особенностями ее повседневной жизни. Без него я, возможно, никогда бы не побывал в Твери и впоследствии не сделал бы доклад о типологии городов в Хорватии в сентябре 2010 года по приглашению его преемницы на историческом факультете Тверского государственного университета Ирины Воробьевой.

MEINE ERINNERUNGEN AN MAREN MICHAILOWITSCH FREUDENBERG

Ludwig Steindorff

Christian-Albrechts-Universität zu Kiel, Historisches Seminar

Об авторе:

Людвиг Штайндорф – профессор, руководитель кафедры Восточной и Юговосточной Европы, Институт истории, Университет им. Христиана Альбрехта в Киле

About the authors:

Prof. Dr. Ludwig Steindorff – Professur für Geschichte Ost- und Südosteuropas, Historisches Seminar, Christian-Albrechts-Universität zu Kiel

Статья поступила в редакцию 19.05.2013